

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.837

Р. Ф. ПУСТОВИЙТ,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой экономики и управления
Черкасского образовательно-научного института Университета банковского дела*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КЛЕПТОКРАТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Исследованы институциональные основы возникновения и эволюции клептократической экономики, определены ее составляющие, проанализированы модели развития и негативное влияние клептократических факторов на экономическую и социальную динамику. Акцентируется внимание на коррупционном факторе клептократической экономики, предложены способы противодействия этой экономике, раскрыты институциональные возможности ее трансформации в рыночную экономику на демократических основаниях.

Ключевые слова: клептократическая экономика, модели клептократического государства, коррупция, институциональная среда, формальные и неформальные институты.

R. F. PUSTOVIIT,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Economy and Management,
Cherkassy Educational-Scientific Institute of the University of Banking*

INSTITUTIONAL FACTORS OF THE KLEPTOCRATIC ECONOMY

The institutional bases of the appearance and the evolution of a kleptocratic economy are studied, its components are defined, and some models of development and the negative influence of kleptocratic factors on the socio-economic dynamics are analyzed. The attention is focused on the corruption factor in a kleptocratic economy, some methods of counteraction to this economy are proposed, and the institutional possibilities of its transformation to a market economy on democratic principles are clarified.

Keywords: kleptocratic economy, models of a kleptocratic state, corruption, institutional medium, formal and informal institutions.

Актуальность предлагаемого исследования определяется таким вопросом: почему с началом трансформационных преобразований экономика Украины по сравнению с экономиками стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии имеет неудовлетворительные итоги реформ? Посткоммунистическая история подтверждает, что наихудшие экономические последствия наблюдаются в странах, отклоняющихся от демократии. При этом в условиях кланового капитализма, когда государство использует свой аппарат для произвольной трактовки прав собственности и сдерживает конкуренцию, такой институциональный порядок не только не справедлив, но и не эффективен. К сожалению, почти через четверть века после провозглашения Украиной независимости комплексный ана-

Пустовийт Роберт Фридрихович (Pustoviit Robert Fridrikhovich) – e-mail: rfpustovit@gmail.com.

лиз отечественной экономики с учетом коррупционных факторов дает основания характеризовать ее как клептократическую [1, с. 163].

Институциональными основами клептократической экономики являются коррупционная база устройства власти и тождественная ему политическая элита, представители которой опасно нарушают общественные формальные институты, используют свои властные полномочия для быстрого обогащения и укрепления собственных ключевых позиций в обществе. Соотношение терминов “клептократия” и “элита” объясняется тем, что сообщество высокопоставленных коррупционеров в определенной степени приобретает некоторые черты последней, хотя в действительности функционирует как “клептократическая квазиэлита” [2, с. 10]. Указанная категория является родственной с категорией “криптократия”, которая обуславливает ситуацию в государстве, когда фактическая власть принадлежит группе лиц, которые публично не демонстрируют свою настоящую доминирующую роль в обществе, но оказывают реальное коррупционное влияние на государственные финансы, получают доходы от незаконных транзакций и имеют достаточно весомый результат в сфере политических и экономических процессов. Иногда в научной литературе вместо термина “клептократия” используется термин “плутократия” как референтная систематизация клептократии и криптократии, воплощающая социальный результат личного или узкогруппового обогащения и институционализирующая целостность политической власти и богатства.

К этому добавим, что клептократия принимает непосредственное участие в разрушении в стране рыночно-демократического уклада, обуславливает ненадежность и “размытость” спецификации прав собственности, криминализирует общество путем слияния правоохранительных структур и криминальных группировок. Крупномасштабная коррупция высокопоставленных государственных чиновников вынуждает предпринимательство искажать финансовую отчетность, существенно тормозит приток иностранных инвестиций, препятствует социально-экономическому росту страны, разрушает доверие к властным и юридическим институтам. По данным Всемирного банка, ежегодно в виде взяток выплачивается 1 трлн. дол. [3, с. 9].

Э. де Сото характеризует исследуемую экономическую систему как меркантилистскую [4, с. 26]. По мнению ученого, в данном случае “меркантилизм” — это забюрократизированное государственное устройство, в котором субъекты пренебрегают законами, а меркантилистские властимущие считают перераспределение национального богатства более важным, чем его производство. В то же время термин “перераспределение” определяется как предоставление монопольных привилегий или благоприятного режима узкому кругу элиты, которая зависит от государства и которой, собственно, подчиняется само государство. Как правило, государство, которое идентифицируется с правительством, оказавшимся у власти, действует в соответствии с меркантилистской моделью, когда законы принимаются в пользу привилегированных групп с корыстными интересами (“перераспределительные синдикаты”). Фамилии привилегированных лиц или их семей меняются с каждым новым правительством, но система остается неизменной: она не только концентрирует национальное богатство в руках меньшинства, но и легализует неправомерные права на эти активы. В свою очередь, А. Гриценко подчеркивает: когда средний класс не составляет большинства населения, к власти приходят разнообразные корпоративные группы, владеющие большим финансовым ресурсом и более высокой политической активностью. В дальнейшем властные субъекты пренебрегают потребностями большинства населения, что влечет

за собой накопление в экономике и институциональной структуре общества диспропорций и противоречий, приводящих к глубокому общему кризису [5, с. 9].

В обозначенных условиях именно концепции институциональной экономики могут быть применены для исследования институтов, способных противодействовать генезису клептократической экономики. При этом первоочередного внимания заслуживают те формальные и неформальные институты, исследование которых позволяет понять те институциональные мотивы, которые создают условия для недемократической власти клептократической квазиэлиты и предоставляют возможности для искоренения коррупционных факторов в экономике.

В отличие от "незначительных" ("повседневных") форм коррупции, "масштабная коррупция" как основа клептократической экономики, глубоко укоренившись на уровне правительственных структур, приводит к нелегитимному присвоению огромных активов, подрывает законность и консервирует социально-экономическую отсталость [6, с. 633]. Таким образом, "масштабная коррупция" отличается от "бытовой" привлечением должностных лиц высокостатусного уровня в коррупционные конструкции на основе неприемлемого злоупотребления государственной властью и присвоения значительного общественного богатства.

В этих условиях административно-бюрократический аппарат превращается в институт запугивания и репрессий, которому подчинены всеохватывающие административные процедуры. В дальнейшем, после институциональной адаптации, коррупционные действия становятся стандартным и обычным поведением, когда взятка принимает договорную или стандартизированную форму, за рамками торгов и соглашений. Необходимо признать, что во многих случаях неформальные институты (начиная с бюрократических и законодательных норм и заканчивая клиентелизмом и патримониализмом) имеют значительно большее влияние на экономическое поведение и его последствия, чем формальные [7, с. 727]. Исследователи, игнорирующие неформальные "правила хозяйственной игры", рискуют оставить без надлежащего внимания побудительные мотивы и ограничения, формирующие институциональную среду клептократической экономики.

Учитывая аналитическую конструкцию М. Олсона [8], рассмотрим стимулы вождя группы "кочевых бандитов" в условиях анархии. В таких обстоятельствах отсутствуют инвестиционные и производственные мотивы, а следовательно — возможности для грабежа. Но, если "вождь бандитов" способен захватить и удержать власть над определенной территорией, то, обеспечив мирный порядок и общественные блага подданным, он создает условия для их производительного труда. Следовательно, став местным правителем с фиксированным уровнем грабежа в виде налогов, властимущий мотивирует подчиненных к производству и получает в свое распоряжение больше денежных средств, чем "кочевой бандит". Последний же стремится к максимизации краткосрочного чистого выигрыша от грабежа населения той территории, на которой расположены производители потенциально экспроприруемых благ, и к вложениям в совершенствование технологий ограбления.

Иначе говоря, по аналогии с А. Смитом, "невидимая рука" стимулирует "кочевого бандита" превратиться в стационарного, что гарантирует подданным защиту от внешнего агрессора и определенные общественные блага. Та же "невидимая рука" влияет и на дальнейший генезис парадокса народовластия в обществе, когда демократически избранное правящее большинство принимает законы, отвечающие его собственным интересам [9, с. 115]. Таким образом, никакие формальные ограничения не помешают тем, кто у власти, перераспределять доходы меньшинства в свою пользу, удовлетворяя при этом его элементарные общественные потребности.

Однако формальный институт выборов как основы демократии является лишь фасадом реально действующих неформальных институтов электорального авторитаризма, в рамках которых на выборах де-факто применяются недемократические “правила избирательной игры”, практика которых формально-юридически утверждается с помощью подконтрольных власти правовых институций. Поэтому анализ клептократической экономики обуславливает необходимость исследования именно тех “конкурирующих” неформальных институтов, которые не только без усилий подменяют формальные правила, но и приводят к негативным, в том числе “грабительским”, эффектам.

Согласно научному подходу Х.-Й. Лаута [10, с. 23, 24], формальные и неформальные институты не противодействуют друг другу, а находятся в состоянии своеобразного сосуществования. Как следствие, при сохранении формальной оболочки, институты, которые вроде бы гарантируют демократию и верховенство права, или разрушаются изнутри, или даже заменяются своей противоположностью. Влияние именно таких “подрывных институтов” и обуславливает негативные эффекты, а сам процесс “неформальной институционализации” стоит рассматривать как системное “искажение” институциональной среды в течение институциональной трансформации и дальнейшей деградации экономики.

Перспективы институционального анализа клептократической экономики требуют усиленного внимания к принципиальным аспектам функционирования “подрывных институтов”, влияющих на процессы неформального государственного управления. Идеальные модели как формальных (конституций и законов), так и неформальных (в частности, традиций) институтов можно представить в виде равновесия, которое характеризуется как самоподдерживающееся и обуславливающееся ограничивающими эффектами. В случае преобладания “подрывных институтов” наблюдаем частичное равновесие, которое без чрезмерных усилий может быть нарушено под влиянием экзогенных факторов. Поэтому при преобладании в клептократической экономике “подрывных институтов” происходит не расширение, а сужение возможного срока пребывания элиты у власти, что, с одной стороны, стимулирует ее к активизации рентоориентированного поведения, а с другой — лишает стимулов к изменению существующего положения [11, с. 10]. Указанные условия требуют рассматривать частичное равновесие “подрывных институтов” как прецедент “институциональной ловушки”.

Одновременно систематическая генерация ренты в условиях “институциональной ловушки” является важнейшим средством контроля за насилием в клептократическом государстве и функционированием его институтов. Ограничение возможностей создания контрактных организаций лишь ресурсами партнеров правящей коалиции непосредственно связывает интересы коррупционных элит с их выживанием, обеспечивая тем самым продолжение сотрудничества внутри группы. Естественно, что грабительское государство ослабляет проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, участники которой имеют особые привилегии [12, с. 37]. Именно эгоистические корыстные интересы дают мощный стимул к формированию групп у власти, рассматриваемых как неформальный институт перераспределения ресурсов среди участников коалиции, которые привлечены к получению ренты. Чем больше усилий тратится на перераспределение активов, тем меньше становится реальное богатство страны, что приводит к сдвигу влево границы производственных возможностей, к замедлению возможностей реакции на внешние технологические вызовы и вызовы научно-технического прогресса, к хроническому запаздыванию в процессе принятия соответствующих решений на государственном уровне [13, с. 17]. Как следствие, чем

больше государственное устройство отвечает интересам клептократических организованных групп, тем хуже для экономики в частности и общества в целом.

Стремление клептократической элиты к преференциям, которые обеспечиваются приближением к власти, влечет за собой становление легализованных монополий, монопольных цен, лицензий, административных разрешений, импортных квот, других препятствий, мешающих развитию рынка и направленных на перераспределение рент от фирм и домохозяйств в пользу коррупционных элит. Иначе говоря, клептократическая экономика создает квазирыночную систему для реализации промежуточной цели перераспределения активов и получения ренты, не способствуя приумножению общественного благосостояния за счет производства общественных благ и преодоления негативных экстерналий рынка.

Для более детального анализа обозначенных проблем рассмотрим две модели клептократического государства.

Первая из них предполагает тотальный контроль клептократического лидера страны за подвластными государственно-бюрократическими институциями, скоординированными единой централизованной системой управления в сфере монопольного рентоориентированного поведения. Сильные политические лидеры способны препятствовать административным институциям действовать на собственное усмотрение и могут направлять на себя большую часть коррупционных потоков, а остальные — распределять между приближенными с учетом личной преданности каждого из них. Иначе говоря, чиновники, функционирующие в регулирующих органах, не имеют возможности действовать самостоятельно в сфере максимизации собственных коррупционных схем. Согласно этой модели, если фирма стремится получить необходимые разрешения, скажем, для начинания бизнеса, то она получает права собственности на пакет нормативных документов лишь после предоставления соответствующих коррупционных стимулов с учетом вертикали клептократической власти.

Вторая модель обозначает ситуацию, когда клептократический лидер имеет незначительное авторитарное влияние и не способен осуществлять эффективный контроль за административными институциями. В таких условиях бюрократия стремится максимизировать собственные неформальные доходы, оппонируя к руководителю государства в качестве независимого монопольного игрока. Кроме того, в данном случае, в отличие от модели чистой монополии, фирма, получив государственный заказ, не может быть уверена в том, что будет иметь надежные права собственности, которые впоследствии не будут коррупционно пересмотрены. Чем меньше власти у государственного руководителя и его окружения, тем больше возможностей возникает у них для осуществления не согласованных с элитой домогательств со стороны чиновников более низких уровней, преследующих собственные интересы.

В условиях всеобъемлющего контроля государственного руководителя над бюрократически-регулирующими органами их корыстные (ценовые) интересы на коррупционном рынке являются тождественными и взаимодополняющими. Таким образом, властимущий непосредственно заинтересован во введении координации и обеспечении такого положения, когда ни один подчиненный не может обогатиться за счет системы в целом и клептократического руководства в частности. Между тем, когда лидер осуществляет недостаточный контроль за бюрократическим аппаратом, чиновники более низких уровней управления будут иметь намного меньше ограничений и получают стимулы, присущие независимым монополистам. Поэтому бюрократически-контролирующие институции будут стремиться к максимизации собственной выгоды от контроля за коррупционными потоками, что

приводит к кумулятивному снижению доходов фирм и ухудшению благосостояния домохозяйств. По этой логике, клептократическое государство с мощной централизованной властью будет продуцировать меньшую коррупционную ренту. Еще более острая проблема в условиях недостаточно централизованной власти заключается в том, что совокупная коррупционная составляющая станет более значимым тормозом для экономического роста, поскольку снижает общую экономическую активность бизнеса и его инвестиционные ожидания.

Ключевым вопросом указанного анализа являются институциональные возможности властимущего минимизировать собственные потери в условиях функционирования по схеме “принципал – агент”. Необходимо признать, что ни один коррупционный лидер не может непосредственно контролировать все принятые решения по поводу получения ренты с коррупционных потоков. Хотя авторитарный режим предоставляет ему возможности взыскивать с подчиненных, которые не “вписываются” в клептократическую вертикаль власти, все же проблема эффективного контроля остается нерешенной. Поэтому не удивительно, что непредсказуемые и разрушительные модели коррупции (в частности, “независимых монополистов”) довольно распространены в трансформационных и развивающихся странах [14, с. 6–8].

На первый взгляд, в Украине, начиная с президентства Л. Кравчука, политические и институциональные рамки были приближением к экономически менее разрушительной модели “единого монополиста”. Особенно успешного результата в этом достигла правящая команда Президента Л. Кучмы, которая позволяла сконцентрировать власть вокруг руководителя, предоставляя ему возможности мониторинга и наказания представителей государственно-бюрократического аппарата, отклонявшихся от рамок обозначенного поведения. Выборы в стране проводились в условиях господства правящей партии, которая контролировала исполнительную, законодательную и судебную ветви власти. Также Президент назначал своих ставленников на все значимые должности по всей вертикали управленческой иерархии.

В терминах институционализма такую ситуацию определяют как “полицейский патруль”, то есть создание и функционирование институтов, предназначенных для выявления нарушений. По сравнению с функционированием правоохранительных органов этот институт неформально связан с властью, выступает непрерывно действующим и таким, который осуществляет повседневный мониторинг отклонений от формальных и неформальных норм. Менее формализованным, но потенциально более ценным для клептократического лидера является формирование в институциональной среде сети “пожарной сигнализации” [15, с. 166], а именно – институциональных механизмов, когда приближенные к власти лица могут проинформировать политическое руководство об угрожающем обострении социально-экономических проблем. Некоторые из этих правил, процедур и практик позволяют правящей клептократической группе иметь доступ к конфиденциальной информации и административным рычагам принятия необходимых решений. Остальные же из них дают ей право обжаловать неблагонадежные решения административных органов и судов, а также способствуют совместным действиям против сравнительно неорганизованных групп, угрожающих ее корыстным интересам.

В то же время для клептократического режима особо ценно то, что большинство национальных и зарубежных фирм вынуждены искать прямые или опосредованные коррупционные связи с высокопоставленными чиновниками для защиты бизнеса и прав собственности, а также для получения необходимой бизнесовой информации. Это также предоставляет возможности фирмам, столкнувшимся с проблемами предвзятых действий бюрократических институций, использовать

привилегированные связи и непосредственно или опосредованно донести свои жалобы до властямущих. Для примера: правящий режим в Украине при президентстве Л. Кучмы эффективно координировал бюрократию и оговоренные механизмы контроля, которые результативно использовались для выявления и наказания корумпированных чиновников, чье поведение отклонялось от обозначенных требований. Но ни одна из так называемых “антикоррупционных мер” не была способна устранить коррупцию как системное явление ввиду того, что клептократический режим максимально ориентировался лишь на корыстные интересы Президента и приближенных к нему лиц, позволяя распространяться коррупционным факторам только с учетом ограничений, установленных ими самими. Нет сомнений, что такая клептократическая система была ни “прозрачной”, ни инвестиционно привлекательной, хотя “работала” достаточно эффективно и продолжительный период для того, чтобы удовлетворить ограниченное количество “избранных” инвесторов. В то же время Президент был в этой институциональной структуре первостепенной фигурой, которая имела решающее влияние на возможности делегирования властных полномочий и контроля за финансовыми потоками.

Но исследуемая институциональная клептократическая структура, которая развивается в Украине с 1991 г., с президентством В. Януковича в условиях нестабильной и неблагоприятной институциональной среды, когда самые прибыльные отрасли экономики стали стремительно сосредотачиваться в руках его клана, начала приходить в упадок, то есть произошел так называемый “декаданс псевдоэлиты” [2, с. 194]. Ее представители полностью погрузились в процесс неправомерного обогащения, а политическая деятельность утратила свои социальные ориентиры и начала продуцировать действия, враждебные интересам граждан, и прибегать к репрессивным мерам государственного и политического управления: введению тотальной цензуры, подавлению свободы мысли, ограничению деятельности организованной оппозиции, опоре на силовые структуры. В то же время коррупцией оказались поражены все ветви власти (в том числе и судебная), и особенно — деятельность, связанная с использованием бюджетных средств, землепользованием, лицензированием и налоговым контролем. По разным оценкам, в последние годы посредством коррупционных схем государственный бюджет терял в среднем от 160 млрд. до 250 млрд. грн. в год [16]. По оценкам международной организации “Transparency International”, в 2013 г. превышение расходов украинских чиновников уровня премьер-министр — первый заместитель министра над официальным задекларированным доходом составило от 15 до 300 раз*.

В стране произошла смена власти, но нынешнее место нашего государства в рейтинге восприятия уровня коррупции подтверждает, что оно, как и прежде, является одним из наиболее корумпированных, а по итогам 2014 г., согласно аналитической информации Министерства экономического развития и торговли Украины, показатель теневой экономики достиг рекордных с 2007 г. 42% ВВП.

Существует довольно распространенное мнение, что в долгосрочной перспективе демократическое государство совместно с реальным народовластием и независимой судебной властью являются лучшими способами преодоления клептократических факторов. Но даже при отсутствии этих условий есть и другие механизмы, стимулирующие инвестиции и экономический рост даже при недостаточной демократизации общества. Централизованная политическая власть открывает властямущим перспективы даже при клептократической системе (что-то вроде Индоне-

* Рейтинг “честных”: топ-20 чиновников, живущих не по средствам [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://biz.liga.net/all/all/stati/2766987>.

зии при президентстве Сухарто) в течение длительного периода достигать экономических успехов, примером чего служит Китай.

Некоторые исследователи полагают, что отдельные формы коррупции более приемлемы, чем другие (в частности, кумовство менее проблематично по сравнению с олигархическим лоббированием, а проблемы коррупции ослабляются, когда клептократические правители способны оптимально собирать взятки). В соответствии с такими утверждениями, неблагоприятные последствия коррупции относятся преимущественно к сопутствующей неопределенности, то есть, когда у того, кого заставили платить взятку, в дальнейшем нет необходимого юридического сопровождения, и он подвергается очередным коррупционным домогательствам. Таким образом, именно этот вид неопределенности сдерживает инвесторов, причем в не меньшей степени, чем коррупция сама по себе.

Именно такими аргументами оправдываются некоторые разновидности коррупции вместо того, чтобы обеспечить средства всеохватывающей борьбы с клептократией и ввести антикоррупционные реформы. Но предвидимая форма коррупции, скорее всего, повлечет за собой другие, более разрушительные проблемы. Расчетный тип коррупции препятствует мотивам инвесторов к определению легальных альтернатив капиталовложений, искажает рыночные механизмы и инициирует дальнейшие клептократические проявления. Очевидно, что коррупция – это сложное явление, и ее разные виды, скорее всего, дадут разнонаправленные социально-экономические эффекты. Но в целом это не позволяет позитивно оценивать коррупционные последствия и отдавать предпочтение одному типу взяточничества над другим на основе признания клептократического институционального режима.

Как правило, авторитарные режимы, трансформирующиеся в клептократические, приходят к власти силовым путем. Бывают случаи, когда будущие автократы оказываются во главе государства благодаря демократической процедуре, но затем, опираясь на потенциал государственных структур и применяя насилие, используют властную систему для ограничения прав и свобод бизнеса и граждан. Такие государственные устройства, которые захватили власть и удерживают ее благодаря клептократическому насилию, в долгосрочной перспективе не стабильны. Это объясняется отсутствием легитимности власти, понятного и приемлемого объяснения обществу того, на каком основании лидеры клептократического государства руководят страной, ведь у них отсутствуют институциональные традиции, которые бы переходили от поколения к поколению, а также понятные и общепринятые формальные процедуры подтверждения законности власти. Спрогнозировать начало кризиса клептократического режима сложно, но, если он начинается, то разворачивается очень быстро [17, с. 42]. Как пример, можно назвать восстание, которое привело к свержению президента Румынии Н. Чаушеску, несмотря на то, что до декабря 1989 г. публичная поддержка румынского диктатора была на уровне 96%. Чаще всего переломный момент связан с личными проблемами властимущего (например, состоянием его здоровья) или на первый взгляд незаметным событием – в упомянутой Румынии волнения в Тимишоаре начались с принудительного выселения из дома известного диссидента. Но в любом случае после смерти правителя или его отлучения от власти начинается период раздора в правящей верхушке.

Кризисному этапу развития клептократической экономики в большинстве случаев предшествуют заметные изменения в среде господствующей элиты, касающиеся ряда замещений в ее персональном составе или в вертикальной реорганизации функциональных групп на верхушке властной пирамиды. Необратимый структурный кризис может вызвать гибель элиты, вследствие которой она теряет свои основ-

ные свойства и фактически исчезает, хотя некоторые личности определенное время могут рассматриваться обществом как имеющие реальные властные полномочия.

Исторически первым, кто исследовал природу клептократического государства, был Ибн Халдун (1332–1406 гг.) — арабско-мусульманский философ и политический деятель, который считал, что процесс коррупции начинается тогда, когда правитель отдаляется от народа, наслаждается плодами своей власти, дарит себе огромные здания, создает монументы в свою честь, дарит ценные подарки иностранным послам, закладывает новые дворцы и города, испытывает свою армию и изучает книги сборщиков налогов. На следующем этапе клептократического правления дворец портится от богатства, правитель отдается безрассудным удовольствиям, подносит очень дорогие подарки ближайшим фаворитам, предоставляя им власть и должности, которые не соответствуют их способностям, прислушивается только к своим любимцам и фактически подпадает под их влияние. А дальше устоявшиеся традиции становятся объектом насмешек, приближенные и советники правителя попадают под атаки и уничтожаются, поскольку новые фавориты стремятся отдалить давних проверенных союзников от властимущего. Правитель все больше отходит от народа, армии, бюрократии и бывших любимцев, которые теперь замышляют против него заговор и уничтожают своего бывшего повелителя [18, с. 212–213].

Исходя из приведенных размышлений выдающегося философа, можно предложить такое видение институционального генезиса экономик советского типа [19, с. 121]. В этих государствах реальный лидер будет уклоняться от изменения структуры прав собственности, а это устраивает влиятельные группы из правящей страны, то есть аппаратчиков и экономическую бюрократию, которые получают наибольшую пользу от сохранения существующей институциональной среды, несмотря на ее негативные последствия для экономики. Распределение богатства, осуществляемое на основе прав собственности в экономиках советского типа, настолько отличается от “современных рыночных автократий”, что достичь институциональных изменений, которые бы привели к уменьшению транзакционных издержек и быстрому повышению благосостояния домохозяйств, фактически невозможно. Так, ни одна постсоветская страна не смогла реализовать подобные успешные институциональные изменения, произошедшие, в частности, в “авторитарных” Южной Корее и Тайване. В русле предлагаемого анализа это объясняется возможностями максимизации ренты правящей верхушкой.

Перестройка была призвана осуществить переход к новой экономической системе, основанной на идеологии рыночного хозяйства, к политическому и идеологическому плюрализму, к восстановлению прав человека, а также к развитию гражданского общества на базе парламентской демократии. Но средства, при помощи которых эти изменения были достигнуты, не оставляют никаких сомнений, что их главная цель заключалась в защите клептократических интересов правящей номенклатуры. Несмотря на эгалитарную идеологию, господствующая элита с целью достижения собственных корыстных интересов жестко контролировала и политическую власть, и средства производства, но никак не использовала свои возможности для претворения в жизнь стремлений большинства населения. В силу этого в условиях тотального дефицита возникла прослойка так называемых “предпринимателей от номенклатуры”. Представители этого псевдобизнеса быстро обогатились: через так называемые “кооперативы”, в экспортно-импортных отраслях и акционерных предприятиях с зарубежным капиталом, а также путем “непрозрачной” приватизации.

В целом большинство экономистов позитивно оценивают приватизацию. Как и дерегуляция, она считается одним из способов повышения эффективности эко-

номики в результате создания института частной собственности на средства производства. Однако осуществленная в 1990-х годах приватизация в странах бывшего Советского Союза является еще одним примером клептократической политики, определяющей целью которой было перераспределение общественного богатства. Существуют, несомненно, и данные, свидетельствующие о позитивном влиянии, в частности, российской приватизации на экономику на первоначальном этапе, когда в приватизированные предприятия были инвестированы немалые денежные средства. Но в итоге ее политические последствия оказались губительны для общества, когда в России вместо экономических и политических реформ был возрожден авторитарный режим и утвердился управляемый государством клептократический клановый капитализм [20, с. 18, 19]. Это объясняется такими причинами: в результате приватизации первостепенные государственные активы были присвоены небольшой группой приближенных к власти лиц, которая противодействовала становлению реальной демократии и осуществлению экономической политики в пользу общества; доходы от приватизированных предприятий распределялись неправомерно, что значительно углубило имущественное неравенство; концентрация активов и огромные коррупционные ренты позволили силовым структурам установить контроль над экономикой.

Что касается Украины непосредственно, то учеными Института экономики и прогнозирования НАН Украины были проанализированы результаты приватизации за минувший десятилетний период и установлено, что финансовые показатели приватизированных предприятий ухудшились. Отсюда можно сделать вывод, что эффективные собственники на приватизированных предприятиях не появились, а под видимостью приватизации произошли разграбление государственного имущества и выведение активов за рубеж [21]. Понятно, что в таких обстоятельствах объем частных инвестиций будет сокращаться, а предприниматели не станут рассматривать инвестиционные возможности увеличения производственных мощностей уже действующих предприятий. Так же будет сокращаться и объем государственных инвестиций, если только они не относятся к типу, который обеспечивает очевидные корыстные выгоды для правящей коалиции. Добавим, что вместе с тем сокращаются или, по крайней мере, не увеличиваются инвестиции в физический и человеческий капиталы. Как правило, клептократические режимы не тратят необходимых денежных средств на качественное образование населения, ведь образованными гражданами трудно манипулировать и держать их в повиновении.

Итак, следует согласиться с таким выводом: первостепенная проблема, которая тормозит развитие украинской экономики, – это ее клептократическое устройство. Для противодействия клептократическим факторам в экономике необходимо сформировать такую институциональную среду, которая будет противодействовать коррупционной организации экономической деятельности, устраним препятствия для законопослушного бизнеса, обеспечит предпринимательству законные гарантии, предоставит в частные руки ответственность и инициативу, монополизированные государственным бюрократическим аппаратом.

Для этого в первую очередь следует решить такие институциональные проблемы: ликвидация препятствий, мешающих консолидации легального и теневого секторов экономики; обеспечение их институциональной формализации. Сказанное требует ввести действенные способы ограничения коррупционных злоупотреблений правительства, приближенной к нему господствующей коалиции с особыми привилегиями и бюрократического аппарата, а также сформировать институциональную конструкцию, при которой бы фирмы и домохозяйства имели четко специфицированные права собственности и возможности для защиты контрактных

прав, предусмотренных формальными институтами. Так же очевидно, что для обеспечения эффективного функционирования институциональной среды на рыночных и демократических основаниях нужны предсказуемость и “прозрачность” в принятии решений главой государства, правительством и парламентом. В этом контексте особого внимания заслуживают методы контроля со стороны гражданского общества над государственной информационной политикой и способами принятия законов, то есть над тем институциональным фундаментом, который гарантирует открытость информации о действиях властных институций. Средства массовой информации, совместно с правоохранительной системой, как основные мотиваторы надзора за коррупционными деяниями должны осуществлять тщательный контроль за принятыми решениями и действиями правительства, административно-бюрократических институций, приближенных к власти политической и бизнесовой коалиций.

Другим, не менее важным инструментом противодействия клептократической экономике является “прозрачное” назначение на должности в сектор государственного управления только на основании профессиональных качеств, а не с учетом “кумовства” и “политического фаворитизма”. Кроме того, надлежит ввести такую систему оплаты труда государственных служащих и работников бюджетной сферы в целом, которая бы позволила им получать конкурентоспособный доход, какой бы мотивировал их к качественному выполнению служебных обязанностей и эффективному государственному управлению. Также ключевым фактором противодействия коррупционным намерениям государственных служащих является надежная и незаангажированная система постоянно действующего мониторинга их доходов и расходов, которая параллельно предполагает неотвратимость жесткого наказания за коррупционные деяния.

Вместе с тем необходимо признать такое неоспоримое утверждение: клептократическая власть лишь иногда задумывается о позитивных результатах или негативных последствиях своих решений для общества в целом. Ее внимание в основном сосредоточено на личностных корыстных интересах, на поощрении тех, кто получает для нее коррупционную ренту, на перераспределении ресурсов в свою пользу при помощи “послушных” правоохранительной и судебной систем. Но, чем слабее становится клептократическая власть, тем более сильное сопротивление она оказывает необходимым институциональным изменениям в экономике, поощряя насилие и беспорядок в обществе. Со временем указанные противоречия будут ликвидированы или установлением административно-командной диктатуры, которая с большой вероятностью вновь трансформируется в клептократическую, или введением рыночной экономики на основе демократических ценностей.

Список использованной литературы

1. *Acemoglu D., Robinson J., Verdier T.* Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule // Journal of the European Economic Association. — 2004. — № 2 (2-3). — P. 162–192.
2. *Гевелинг Л.* Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции в негативной экономике. — М. : Изд-во “Гуманитарий” Академии гуманитарных исследований, 2001. — 592 с.
3. *Ширан Дж.* Борьба с клептократией // Вопросы демократии. — 2006. — Декабрь. — С. 9–10.
4. *Coto de Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. — М. : Calallaxy, 1995. — 249 с.
5. *Гриценко А.* Системна криза як наслідок базової деструкції України і шляхи її подолання // Вісник НБУ. — 2014. — Травень. — С. 8–12.

6. Bloom B. Criminalizing Kleptocracy? The ICC as Viable Tool in the Fight Against Grand Corruptions // *American University International Law Review*. – 2014. – Vol. 29. – Is. 3. – P. 628–658.
7. Helmke G., Livitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspective of Politics*. – 2004. – Vol. 2. – № 4. – P. 725–740.
8. Олсон М. Рассредоточение власти и общества в переходный период // *Экономика и математические методы*. – 1995. – № 4. – С. 54–81.
9. Олсон М., Макгуайр М. Экономика деспотии и правило большинства: невидимая рука и применение силы // *Экономическая политика*. – 2010. – № 2. – С. 114–128.
10. Lauth H.-J. Informal Institutions and Democracy // *Democratization*. – 2000. – Vol. 7. – Is. 4. – P. 21–50.
11. Гельман В. “Подрывные институты” и неформальное управление в современной России // *Российская Политика*. – 2010. – № 2. – С. 6–24.
12. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
13. Заостровцев А. Теории групп интересов // *Финансы и бизнес*. – 2009. – № 1. – С. 6–24.
14. MacIntyre A. Institutions and the Political Economy of Corruption in Developing Countries // *Discussion Paper*. Stanford University. – 2003. – January, February. – P. 1–22.
15. McCubbins M., Schwartz T. Congressional Oversight Overlooked: Police Patrols versus Fire Alarms // *American Journal of Political Science*. – 1984. – № 28. – P. 165–179.
16. Бортник Р. Корупційний дохід чиновників становить близько 250 млрд. грн. в рік [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovoidilo.ua/articles/6168/2014-12-06>.
17. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 448 с.
18. Халдун И. Введение. Ал-Мукаддима / Историко-философский ежегодник. 2007; [сост., пер. с араб. и примеч. А.С. Смирнова]. – М.: Наука, 2008. – С. 187–216.
19. Винецки Я. Почему экономические реформы в советской системе оказываются неудачными: подход с точки зрения прав собственности // *Экономический вестник*. – 2001. – № 1. – С. 117–146.
20. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 12. – С. 4–28.
21. Кошик А. В Украине разгорается война олигархов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glavnoe.ua/news/n217582>.

References

1. Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. Kleptocracy and divide-and-rule: A model of personal rule. *J. of Eur. Econ. Assoc.*, 2004, No. 2 (2-3), pp. 162–192.
2. Geveling L. *Kleptokratiya. Sotsial'no-Politicheskoe Izmerenie Korrupsii v Negativnoi Ekonomike* [Kleptocracy. Socio-Political Measurement of Corruption in a Negative Economy]. Moscow, Publ. House “Gumanitarii” of the Acad. of Human. Studies, 2001 [in Russian].
3. Shiran J. *Bor'ba s kleptokratiei* [Struggle against the kleptocracy]. *Voprosy Demokr. – Quest. Democr.*, December 2006, pp. 9–10 [in Russian].
4. Soto de H. *Inoi Put'. Nevidimaya Revoliutsiya v Tre'tem Mire* [The Other Path. The Invisible Revolution in the Third World]. Moscow, Calallaxy, 1995 [in Russian].

5. Grytsenko A. *Systemna kryza yak naslidok bazovoi destrukttsii Ukrainy i shlyakhy ii podolannya* [The system crisis as a consequence of Ukraine's basic destruction and ways to overcome it]. *Visnyk NBU – Bull. NBU*, May 2014, pp. 8–12 [in Ukrainian].
6. Bloom B. Criminalizing kleptocracy? The ICC as viable tool in the fight against grand corruptions. *Amer. Univ. Intern. Law Rev.*, 2014, Vol. 29, Is. 3, pp. 628–658.
7. Helmke G., Livitsky S. Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Persp. of Politics*, 2004, Vol. 2, No. 4, pp. 725–740.
8. Olson M. *Rassredotochenie vlasti i obshchestva v perekhodnyi period* [The dispersion of power and society in the transient period]. *Ekon. i Matem. Met. – Economy and Math. Meth.*, 1995, No. 4, pp. 54–81 [in Russian].
9. Olson M., McGuire M. *Ekonomika despotii i pravilo bol'shinstva: nevidimaya ruka i primenenie sily* [The economics of autocracy and majority rule. The invisible hand and the use of force]. *Ekon. Polit. – Econ. Policy*, 2010, No. 2, pp. 114–128 [in Russian].
10. Lauth H.-J. Informal institutions and democracy. *Democratization*, 2000, Vol. 7, Is. 4, pp. 21–50.
11. Gel'man V. "Podryvnye instituty" i neformal'noe upravlenie v sovremennoi Rossii ["Blasting institutions" and the informal management in the modern Russia]. *Ross. Politiya – Russ. Politiya*, 2010, No. 2, pp. 6–24 [in Russian].
12. North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i Sotsial'nye Poryadki. Kontseptual'nye Ramki dlya Interpretatsii Pis'mennoi Istorii Chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow, Gaidar Institute, 2011 [in Russian].
13. Zaostrovtshev A. *Teorii grupp interesov* [The theories of the groups of interests]. *Finansy i Biznes – Finances and Business*, 2009, No. 1, pp. 6–24 [in Russian].
14. MacIntyre A. Institutions and the Political Economy of Corruption in Developing Countries. Discussion Paper. Stanford University, January, February 2003, pp. 1–22.
15. McCubbins M., Schwartz T. Congressional oversight overlooked: Police patrols versus fire alarms. *Amer. J. of Polit. Sci.*, 1984, No. 28, pp. 165–179.
16. Bortnyk R. *Koruptsiyni dokhid chynovnykiv stanovyv' blyz'ko 250 mlrd. grn. v rik* [The corruption income of officials is about 250 bln hrv for one year], available at: <http://www.slovoidilo.ua/articles/6168/2014-12-06> [in Ukrainian].
17. Gaidar E. *Gibel' Imperii. Uroki dlya Sovremennoi Rossii* [Destruction of the Empire. Lessons for the Modern Russia]. Moscow, Ross. Polit. Entsikl., 2006 [in Russian].
18. Khaldun I. *Vvedenie. Al-Mukaddima, v: Istoriko-Filosofskii Ezhegodnik. 2007* [Introduction. Al-Mukaddima, in: Historical Philosophical Yearbook. 2007], edited, transl. from Arabian, and comments by A.S. Smirnov. Moscow, Nauka, 2008, pp. 187–216 [in Russian].
19. Vinetski Ya. *Pochemu ekonomicheskie reformy v sovetskoii sisteme okazyvayutsya neudachnymi: podkhod s tochki zreniya prav sobstvennosti* [Why do the economic reforms in the Soviet system turn out unsuccessful? Approach from the viewpoint of property rights]. *Ekon. Vestnik – Econ. Bull.*, 2001, No. 1, pp. 117–146 [in Russian].
20. Acemoglu D., Robinson J. *Politika ili ekonomika? Lovushki standartnykh reshenii* [Economics versus politics: Pitfalls of policy advice]. *Vopr. Ekon – Quest. Econ.*, 2013, No. 12, pp. 4–28 [in Russian].
21. Koshik A. *V Ukraine razgoraetsya voyna oligarkhov* [The war of oligarchs extends in Ukraine], available at: <http://glavnoe.ua/news/n217582> [in Russian].

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2015 г.